

Эмма Гольдман

Аликс Шулман

1970

Оглавление

I	3
II	4
III	14

I

Примерно до конца 1960-х анархизм и феминизм казались большинству американцев анахронизмами, старой шуткой, которая в обоих своих вариантах ассоциировалась с Эммой Гольдман. Как и в случае с другими ассоциациями по поводу прошлого, имя Гольдман если и вспоминалось, то звучало несколько вызывающе и плоско, как воспоминание о стиле, времена которого давно миновали. Даже среди радикалов на протяжении нескольких десятилетий немногие разделяли ее отвращение к жесткой централизации и механицизму, которые характеризуют современную жизнь. Ее либертарные идеи высмеивались как безнадежно утопичные и забавно наивные. К 1969 г. почти все, написанное ею, давно не переиздавалось, а ее жизнь, – которую Теодор Драйзер однажды охарактеризовал как «самую богатую жизнь женщины нашего века» – была предана забвению. Даже ее энергичную и блестящую биографию «Проживая свою жизнь» (Living My Life) нельзя было найти на прилавках книжных магазинов.

Теперь, как мы знаем, все изменилось. «Старые шутки» превратились в новые лозунги. «Анархизм,- говорится в одном из литературных журналов последнего времени (статья написана в начале 1970-х гг. – прим. перев.) , - был мертв, но теперь воскрес». То же верно в отношении феминизма и «анархической королевы» – Эммы Гольдман. В 1970 г. книги Гольдман были неожиданно переизданы, причем не только ограниченным тиражом для библиотек, но и в популярных изданиях в мягких обложках. Присущий ей театральный стиль снова нашел свое выражение на улицах, и в наше время вновь встречаются люди с ее неутомимой преданностью делу – под судом за организацию «заговора» или преследуемые ФБР. Революционерка Гольдман вернулась со своими излюбленными проделками. «Если вас интересует дополнительная информация обо мне, – советовала она своим читателям, – обратитесь... в любое полицейское отделение в Америке или Европе».

Посмотрите, как она защищает себя на суде по обвинению в заговоре, торжественно отказываясь вставать при исполнении «Звездно-полосатого флага» (гимна США – прим. перев.). Вот она сморкается в сторону конгрессмена. Вот ей удается бегать от своих полицейских преследователей достаточно долго, чтобы произнести еще одну речь, прежде чем отправиться в тюрьму за «призывы к бунту». Вот она пробирается в страну под носом у тех самых иммиграционных властей, которые должны ее остановить. Она живет то в коммуне, то в одиночной камере. Смотрите, вот она несет красный флаг, ведя за собой женщин-забастовщиц на первомайской демонстрации. Временами она скрывается в подполье (живет под именем Э.Г.Смит). Она то пишет очередной манифест, то врывается в клуб «только для мужчин», оставляя в дураках охранников. Она пропагандирует принятие законов, разрешающих контрацепцию, срывает военный призыв, а потом отправляется в тюрьму сразу за оба эти преступления. На самом деле, она никогда не выступает, не прихватив с собой книгу поинтереснее, чтобы было, что почитать в тюрьме в случае ареста.

Ее история больше не стара. Ее взгляды снова современны. Ее остроумные проделки и нетерпеливый стиль, вызывающие жесты и свирепый взгляд, ее фанатичная принципиальность снова неожиданно стали особенно интересны. Кто-то пишет о Гольдман пьесу, кто-то снимает фильм. В кофейне в нью-йоркском Ист Вилледж,

всего в нескольких кварталах от того места, где она когда-то жила, на стене висит большой репринтный плакат, анонсирующий ее воскресную лекцию. Ее портрет на обложках феминистских журналов Rat и Off Our Backs. На первой массовой демонстрации феминисток нового поколения 26 августа 1970 г. шумная группа, называющая себя «Бригада имени Эммы Гольдман», шла по Пятой авеню в Нью-Йорке, неся огромный транспарант, на котором было написано ее имя. Активные молодые женщины раздавали листовки с цитатами из речей Гольдман и скандировали:

Emma said it in 1910,

Now we're going to say it again...

(Эмма говорила об этом в 1910-м, теперь мы снова говорим об этом...)

Некоторые из прохожих хихикали, большинство же из стоящих на обочине, кажется, напрягали слух, вслушиваясь. Возможно, они слышали что-то об этом раньше, но теперь снова хотели послушать эту историю.

II

Эмма Гольдман родилась в царской России 27 июня 1869 г. в еврейской семье, знавшей разные времена. Ее детство, возможно, послужило ей объективным уроком огрубляющего действия капризно исполняемой власти. В далеких Попелянах (словарь Брокгауза и Эфрона сообщает, что в расположенном на реке Виндава местечке Попеляны Шавельского (Шяуляйского) уезда Ковенской (Каунасской) губернии проживало около двух тысяч человек, имелся костел и две синагоги, богадельня и добыча известняка – прим. перев.), где родители Гольдман управляли трактиром, чувства молодой Эммы постоянно подвергались испытанию, - ей приходилось наблюдать, как били жен и детей, как пороли крестьян, как забеременевших вне брака девушек подвергали остракизму, как евреи были отверженными, а даже самых бедных крестьян бесконечно трясли коррумпированные мелкие чиновники.

У нее было две старшие сводные сестры и двое младших братьев. Ее деспотичный отец, которого она впоследствии называла «кошмаром моего детства», видимо, избрал ее в качестве мишени для своих частых вспышек гнева, так что с самого начала ее развитие происходило «в основном в бунте».

Она четыре года училась в начальной еврейской школе в Кенигсберге, где жила ее бабка, изучив там немецкий язык и показав хорошие успехи в других предметах, но не смогла показать примерного поведения. Ее школьный религиозный наставник вместо рекомендации, необходимой для поступления в гимназию, вынес ей публичный выговор, что по существу означало приговор ей стремлению продолжить образование. Затем, в возрасте 13 лет, она переехала с семьей в Санкт-Петербург, где жила в еврейском «гетто» (имеется в виду «гетто» в культурном смысле, в смысле ограниченной среды, хотя в Российской империи существовали значительные ограничения по поводу того где могли жить евреи – прим. перев.). На дворе стоял 1882 г., царя Александра II убили меньше года назад. В воздухе носилась идея революции. Быстро растущая российская столица, будоражимая идеями свободы и равенства, пропагандировавшимися народниками на протяжении нескольких десятилетий, неожиданно оказалась в атмосфере страха. Этот год принес с собой одну из самых

страшных волн политических репрессий (а также еврейских погромов), которые знала Россия. Эмме удалось проучиться в школе в Санкт-Петербурге всего около полугода, прежде чем бедственное положение семьи не заставило ее пойти работать на фабрику. Но и шести месяцев оказалось вполне достаточно, чтобы зажечь впечатлительную девочку народническими идеями, о которых перешептывались на каждом углу.

Она начала жадно поглощать запрещенные романы и сочинения, – от Чернышевского до Тургенева, – которые тайком передавались из рук в руки, и начала восхищаться революционерами вроде молодой Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника, и Софьи Перовской, приговоренной к смерти за покушение на царя. С такими примерами перед глазами, она вскоре начала подвергать сомнению все, отрицая предлагавшуюся ей регламентированную жизнь еврейского «гетто», которой жила ее семья. Когда отец попытался выдать ее замуж в возрасте 15 лет, она была готова на все, чтобы этого не допустить. Она умоляла его не делать этого, говоря, что хочет учиться и путешествовать, а не выходить замуж. Отец в характерном порыве гнева схватил учебник французской грамматики и бросил его в огонь. «Девчонкам ни к чему много учиться, – кричал он, – нужно только уметь готовить фаршированную рыбу, хорошо нарезать лапшу и родить мужчине много детей!»

Угрозы ее отца ускорили ее отъезд, – в следующем году они с сестрой перебрались в Америку, где уже поселилась ранее другая их сестра. Эмма Гольдман прибыла в Нью-Йорк в 1886 г., в возрасте 17 лет, полная блестящих мечтаний.

Как и многие эмигранты из Восточной Европы, она приехала в поисках свободы и возможностей, но нашла лишь угнетение, убожество и тяжелые времена. В городке Рочестер в штате Нью-Йорк, где она поселилась вместе со своими сестрами, жизнь в еврейском «гетто» и на фабрике не слишком отличалась от царской России. Ее первая работа – пошив пальто и десятичасовой рабочий день – приносила всего два с половиной доллара в неделю. Эту статистику она постоянно приводила впоследствии. Вскоре, одинокая и разбитая, она вышла замуж за такого же эмигранта из России как она, Якова Кершнера, но их брак почти незамедлительно распался.

Когда Гольдман узнала о политическом процессе и осуждении восьмерых чикагских анархистов, – идеи которых были сродни тем, которые пропагандировали русские народники, – ей показалось, что «свободная» Америка не только столь же эксплуататорская, как царская Россия, но и столь же репрессивная. Чикагских анархистов приговорили на основании шатких обвинений в том, что они якобы бросили бомбу в группу полицейских во время митинга на площади Хеймаркет в Чикаго. Взрыв стал кульминацией многодневного напряжения, выросшего из агитации за введение восьмичасового рабочего дня, агитации, которую вели в основном анархисты. В создавшейся в результате этого панике, была запущена общенациональная охота на анархистов, закончившаяся процессом об анархическом заговоре в Чикаго в 1886 г. и повешением четверых осужденных анархистов в 1887 г. Эти события повлияли на целое поколение. На молодую Гольдман, затаив дыхание следившую за ходом процесса из Рочестера и читавшую все, что она могла достать об анархизме, это произвело большее впечатление, чем на других. В «черную пятницу», когда были повешены хеймаркетские анархисты, – день, от которого она потом всегда

будет отсчитывать начало своей новой жизни, – она пережила обращение в новую веру. С этого момента она не довольствовалась тем, что просто симпатизировала революционным идеям, она решила стать революционеркой.

У меня было отчетливое чувство, что в моей душе родилось что-то новое и чудесное. Великий идеал, горячая вера, готовность посвятить всю себя памяти моих погибших товарищей, сделать их дело делом моей жизни... Я приняла решение. Я поеду в Нью-Йорк... и буду готовить себя к выполнению моей новой задачи.

Она развелась со своим мужем и в возрасте двадцати лет поехала в Нью-Йорк, чтобы начать там свою жизнь радикалки. Ее единственным имуществом была швейная машинка, которой она могла зарабатывать себе на жизнь, пять долларов (взятые в долг) и страстное желание присоединиться к революционным анархистам, чьи резкие памфлеты она с такой жадностью читала в Рочестере.

В Нью-Йорке она быстро стала протеже ветерана анархической агитации Иоганна Моста, редактора немецкоязычного издания Freiheit («Свобода»). Под его опекой Гольдман изучала политическую теорию и начала заниматься организаторской работой и публичными выступлениями, сначала перед небольшими группами немецких, еврейских и русских рабочих-иммигрантов. Еще до окончания первой своей зимы в Нью-Йорке, она уже жила в коммуне с несколькими анархистами-революционерами из России, в том числе со своей первой большой любовью, Александром Беркманом, «Сашей», как она называет его в своих мемуарах, с которым она будет связана всю свою жизнь. Спустя всего шесть месяцев она отправилась в свое первое турне с выступлениями по стране. Успех этого турне стал началом ораторской карьеры Гольдман, сделавшей ее одной из наиболее харизматичных и вдохновенных ораторов в истории искусства публичных выступлений. Вернувшись в Рочестер в ходе этого тура, как она потом вспоминала, «случилось что-то странное... Слова, которые я никогда не говорила раньше, начали литься из меня, все быстрее и быстрее. Они выходили со страстной интенсивностью...Аудитория растворилась, сам зал исчез, я сознавала только мои слова, мою песню экстаза». После своего первого триумфа, она отказалась от руководства Иоганна Моста и с тех пор уже не была ничьим протеже.

Зарабатывая на жизнь в качестве швеи или работая на фабрике, Гольдман окунулась с головой в деятельность анархического движения. Она была ведущим организатором женщин-работниц во время забастовки швейников 1889 г. Неся красный флаг, она вела за собой анархистов во время первомайской демонстрации 1891 г., несмотря на попытки социалистов запретить им участвовать в ней. Но организаторской работы, раздачи листовок, участия в демонстрациях было недостаточно для этой страстно преданной делу женщины, нетерпеливо желавшей революции. Как и другие русские анархисты того времени в Нью-Йорке, не имевшие представления о различии американских и европейских традиций, она верила в то, что если только поднять на действие трудящиеся массы с помощью какого-либо яркого и поляризующего общества события, революция против хозяев-капиталистов может начаться. С их точки зрения, не хватало лишь подходящего случая.

На некоторое время маленькая анархическая коммуна переехала в Нью-Хейвен, чтобы вести агитацию там. Когда из-за болезни коммуна распалась, Гольдман, Беркман и их друг художник Федя сформировали собственную коммуна, в которой они жили втроем. («Я верю в твою свободу любить», - сказал принципиальный Беркман,

благословив любовь Эммы и Феди. Ревность, сказал он, не заслуживает места в сердце анархиста. А Гольдман, которая презрительно относилась к унижительной идее, что женщина должна принадлежать одному мужчине как вещь, восхищалась Беркманом еще больше из-за его широты души.) Вместе трое любовников заключили единственное соглашение: «посвятить себя Делу в каком-нибудь высшем акте, умереть, если это потребуются, или продолжать жить и работать ради идеала, которому кому-то из нас возможно придется отдать свою жизнь».

Очень скоро потребность в «высшем акте» появилась. В Хоумстеде, штат Пенсильвания, в 1892 г. забастовка металлистов против сталелитейной корпорации Карнеги была жестоко подавлена с помощью нанятых хозяевами «пинкертонов» (вооруженных частных охранников – прим. перев.). Около десятка человек были убиты, сотни получили ранения. Когда трое товарищей узнали об этом, они решили, что пришло время для их акта политического насилия. Внимание страны были сконцентрировано на насилии в Хоумстеде, и они решили, что это хороший психологический момент для политического покушения: насильственного акта пропаганды, находящегося в соответствии с анархической традицией и поднимающего людей на борьбу против капиталистических угнетателей. Так же как их русские кумиры убили царя, они убьют человека, ответственного за кровопролитие в Хоумстеде, председателя правления компании Генри Клэя Фрика. «Человеческая жизнь и вправду священна и ненарушима, - писал Беркман, - но убийство тирана, врага Народа, ни в коем случае не может рассматриваться как лишение человека жизни» (А.Беркман, «Тюремные воспоминания анархиста»). Задачей Гольдман было найти средства на покупку пистолета, а затем объяснить этот акт миру. Беркман должен был нажать на курок, принеся в жертву и свою жизнь. Отчаянно пытаюсь найти необходимые средства, Гольдман даже пыталась заниматься проституцией на Четырнадцатой улице, но в итоге ей пришлось просто занять деньги в долг. 23 июля 1892 г. Беркман вошел в офис Фрика в Питтсбурге, прицелился тирану в голову и дважды выстрелил прежде, чем окружающие люди смогли свалить его на пол несколькими ударами, а затем полиция утащила его. Описывая этот случай в своих воспоминаниях, Беркман обращает внимание и на сомнения, которые часто присутствуют в голове заговорщика. Лицо Фрика пишет он, было землисто серого цвета, черная борода была забрызгана кровью, которая хлестала из раны в шее. На секунду странное чувство, как будто стыд, снизошло на меня; но в следующую секунду я уже был полон гнева на эти сантименты, столь недостойные революционера.

Тот факт, что Фрик быстро встал на ноги после ранения, – достаточно быстро, чтобы руководить разгромом профсоюза с помощью сил национальной гвардии, – был основанием для того, чтобы преступление Беркмана было наказано семилетним сроком тюремного заключения, но обвинения против анархиста были суммированы и он был приговорен к двадцати двум годам заключения, из которых он в итоге отсидел четырнадцать. Его акт не имел положительных последствий, а лишь спутал планы забастовщиков и в то же время вызвал общенациональную волну страха перед анархистами. Забастовщики Хоумстеда незамедлительно осудили этот акт, остальное население посчитало Беркмана сумасшедшим. Конечно, американский политический ландшафт уже долгое время был полон насилия, не самым мелким случаем которого было и насилие со стороны компании Карнеги против забастов-

щиков в Хоумстеде, но в Соединенных Штатах еще не было прецедента, который бы сделал политическое покушение Беркмана понятным широкой публике. Хотя Гольдман употребила свои богатые ораторские способности на то, чтобы объяснить и защитить этот акт, немногие люди даже просто поняли мотивы заговорщиков, не говоря уже об оправдании этого их поступка. Даже Иоганн Мост, – долгое время бывший пропагандистом покушений и опубликовавший однажды инструкции по изготовлению бомб, – отрекся от акта Беркмана, заявив, что американский пролетариат был совершенно не готов к такому действию, и сделал предположение, что Беркман, возможно, планировал всего лишь ранить Фрика. Это обвинение так задело темпераментную Гольдман, которая рассчитывала, что Мост встанет на защиту Беркмана, что на большом собрании, где должен был выступать Мост, сидя в первом ряду вместе с Федей она потребовала, чтобы тот отказался от порочащих Беркмана обвинений. После того, как Мост отказался это сделать (пробормотав что-то по поводу «истеричной женщины»), Гольдман выскочила на сцену, достала спрятанный под одеждой хлыст и предала Моста публичной порке. Когда она закончила, она переломила хлыст пополам об колено, бросила его к ногам Моста и гордо вышла из зала.

Этот эпизод отметил начало раскола в американском анархическом движении и начало нового этапа в жизни Гольдман. Начала создаваться демоническая легенда о ней. Суд против нее самой в следующем году и вынесенный приговор по обвинению в произнесении речи перед нью-йоркскими безработными, которая якобы стала причиной бунта (хотя бунта не последовало), вполне предсказуемо стал сенсационной новостью. Одному из репортеров Гольдман предсказала свое годовичное тюремное заключение «не потому, что мой поступок того заслуживает, а потому что я анархистка». Когда она вышла на свободу год спустя, она обнаружила что превратилась в знаменитость. Ее называли «Красной Эммой», врагом бога, закона, брака и государства. Другой такой не было во всей Америке.

Преданность своим идеям заставляла Гольдман много ездить по стране с выступлениями в последующие годы, участвуя в каждом разражавшемся радикальном конфликте, в то время как ее репутация набивала залы битком. В то время лекционные туры были большим делом, и «Красная Эмма» с ее легендарными ораторскими способностями, была одной из самых звездных исполнительниц на всем континенте. Верная делу до полного самоотречения, она ездила из конца в конец страны, собирая средства на поддержку всякого заслуживающего того дела, большого или малого. Иногда она перебивалась случайными заработками, чтобы цены на входные билеты на ее выступления были невысокими и бедняки, к которым она хотела обращаться, могли приходить на ее выступления. Сидя в тюрьме в 1894 г. она в совершенстве овладела английским, чтобы обращаться к американским слушателям. (США в то время были страной эмигрантов, где далеко не все говорили по-английски, одно время даже рассматривалась возможность придания немецкому статусу второго официального языка, так велико было число говоривших на этом языке. Газета Иоганна Моста Freiheit, например, выходила на немецком – прим. перев.) Теперь тысячи новых людей, многие из которых изначально приходили на ее лекции, чтобы принять участие в чем-то скандальном и пощекотать себе нервы, поддавали под обаяние ее идеализма, – или, по крайней мере, уходили, впечатленные ее целост-

ностью. Ветеран движения за гражданские права Роджер Болдуин, например, так описывает впечатление, которое Гольдман часто производила на людей:

Когда я только окончил Гарвардский университет, к нам в город приехала с лекциями Эмма Гольдман. Меня пригласили ее послушать. Меня коробило даже от предположения, что мне может быть интересна женщина, о которой говорили, что она является сторонницей покушений, свободной любви, революции и атеизма, но мое любопытство привело меня к ней. Эта лекция открыла мне глаза. Никогда прежде мне не доводилось слышать такой социальной страсти, такого смелого развенчания пороков, такой электризованности слов, такого всеразрушающего вызова всем ценностям, которые меня учили воспринимать как высшие. С того дня я стал ее поклонником.

После двух поездок в Европу (в 1895 и 1899 гг.), во время которых она изучала медицину и акушерство в Вене, читала лекции в Лондоне, участвовала в подпольных анархических собраниях в Париже, она начала приобретать репутацию и в международных анархических кругах. Такие известные европейские анархисты, как Петр Кропоткин, Эррико Малатеста и ветеран Парижской Коммуны Луиза Мишель познакомились с ней и были ею очарованы.

Затем, в 1901 г., общественная деятельность Гольдман внезапно прервалась. Президент США Уильям Маккинли был убит молодым человеком Леоном Чолгошем, заявившим о том, что он анархист. Гольдман арестовали как самую известную анархистку в Америке, которую к тому же, как признался на следствии Чолгош, он встречал во время одной из ее лекций. Гольдман обвинили в соучастии в покушении. Это была одна из ироний ее судьбы, - в то время как ее участие в покушении на Фрика не привело к аресту и тюремному заключению, ее арестовали по обвинению в соучастии в покушении, которое она не одобрила, и как раз в то время, когда она пересмотрела свои взгляды на акты индивидуального террора и более не поддерживала их. Уже находясь в тюрьме, она шокировала публику, предложив свои услуги сиделки умирающему Маккинли. («Ты была великолепна, дорогая, - написал ей Беркман из тюрьмы, узнав о ее предложении. - Насколько невозможным было для нас подобное предложение десять лет назад! Мы бы посчитали его предательством духа революции, это возмутило бы все наши традиции, если бы мы даже просто признали человеческое в официальных представителях капитализма»). Но ее одновременное выражение сочувствия к беспомощному убийце Чолгошу вызвало в ее адрес такой шквал ненависти, что еще долго после своего освобождения (из-за отсутствия улик против нее), и после того, как Чолгош был казнен на электрическом стуле, она вынуждена была скрываться в подполье, опасаясь за свою безопасность. Репрессии в отношении анархистов после покушения на МакКинли были столь суровыми, что в течение нескольких лет после этого она не могла появиться на публике под своим собственным именем. Она жила под именем Э.Г.Смит и зарабатывала на жизнь сиделкой, швеей, массажисткой, менеджером гастролирующей театральной труппы из России.

Гольдман вернулась к активной общественной жизни в 1906 г. в качестве издательницы радикального ежемесячного журнала Mother Earth («Мать Земля»). Беркман, выпущенный из тюрьмы в том же году, присоединился к ней в качестве соредатора журнала. Вместе с группой друзей они выпускали его на протяжении двенадцати

ти лет, лишь иногда прекращая публикацию в связи с вмешательством полиции. Ван Вик Брукс описывает «полную суматоху редакцию Mother Earth» как «один из живых мыслящих центров Нью-Йорка» в то время, когда Гринвич Вилледж «кишела возмутителями спокойствия, выражавшими новый бунтарский дух». Квартира Гольдман по адресу Тринадцатая Ист-стрит, дом 210, была тем местом, где, как писал «Большой Билл» Хейвуд (один из лидеров Индустриальных рабочих мира – прим. перев.), каждый всегда мог получить чашку кофе «черного, как ночь, крепкого, как революционный идеал, и сладкого, как любовь».

Будучи в Европе в 1895 г. Гольдман увлеклась творчеством таких писателей, как Ибсен, Стриндберг, Шоу, Гауптман, Ницше. Она хотела, чтобы журнал Mother Earth стал форумом для обсуждения их идей и представления «социально значимого» искусства, а также платформой для публикации комментариев ее анархического круга. «Я больше не верю в волшебника по имени «живое слово», - писала она в предисловии к единственному опубликованному при жизни сборнику ее статей. – Тот факт, что большинство людей приходят на собрания только потому, что они подогреты газетными сенсациями, или потому, что они ожидают, что их будут развлекать, - доказательство того, что у них нет внутреннего стремления учиться. С письменным способом человеческого самовыражения все обстоит иначе». В выпущенной ею книге были очерки, посвященные анархизму, образованию, тюрьмам, политическому насилию, а также пять статей об угнетении женщин, всегда бывшим одной из главных тем ее интереса. Кроме журнала и сборника ее собственных статей, издательская ассоциация Mother Earth публиковала пьесы Ибсена, стихотворения Оскара Уайльда, сочинения анархических классиков Кропоткина, Бакунина и Торо, книги о сексуальности и контрацепции, а также настоящий революционный бриллиант - «Тюремные воспоминания анархиста» Александра Беркмана.

Несмотря на то, что она переключилась на печатное слово, на протяжении последующих лет Гольдман продолжала в своей характерной манере выступать против системы, как на регулярных воскресных лекциях и дискуссиях в кипучем Нью-Йорке, так и на грандиозных по охвату лекционных турах по стране, во время которых ее регулярно арестовывали. Она появлялась везде, где требовалось ее вмешательство. После того, как она взяла себе в качестве администратора лихого доктора Бена Рейтмана, чикагского «Короля бродяг», в которого она влюбилась в 1908 г., она достигла самой широкой аудитории во время своих выступлений. Во время их тура по стране в 1910 г. она выступала, по ее словам, в общей сложности 120 раз в 37 городах и 25 штатах. Билеты на ее выступления оплатили 25 тысяч человек, а еще больше прошли бесплатно.

Желая изменить мир и выступить перед аудиторией, для которой анархизм был новой идеей, она иногда пыталась избежать ареста, заявляя лекции на казалось бы безобидные темы вроде современной драмы. (Ее лекции о драматическом искусстве, которые всегда выходили на обсуждение социальных проблем, были изданы в 1914 г. в сборнике «Социальное значение современной драмы»). Но будучи бойцом по своей природе, она также выступала на наиболее провокационные темы в самых опасных местах, тем самым давая новую пищу легендам о себе. Она говорила о свободной любви с пуританами, об атеизме с церковниками, о революции с реформистами; она осуждала веру в избирательный бюллетень перед суфражистками, а патриотизм

– перед солдатами и патриотами. «С чем большим противодействием я сталкивалась, - хвасталась она, - тем более в своей тарелке я себя чувствовала». Постоянно имея перед собой свой идеал свободы, она была нетерпима, когда сталкивалась с компромиссами, и не терпела никакой двусмысленности.

В конце концов в 1917 г. ее привычка противоречить во всем зашла слишком далеко. За организацию «Лиги против призыва» и организацию антивоенных митингов по всему восточному побережью США даже после того, как страна вступила в войну, она и Беркман были арестованы и обвинены в «заговоре» с целью срыва призыва. И хотя они восхитительно защищали себя сами в ходе судебного процесса («Во время ведения процесса, - заявил председательствующий судья, - обвиняемые показали... способности, которые могли бы быть использованы к огромному благу нашей страны, если бы они сами решили выступать за нее, а не против»), они были осуждены. Их присудили к выплате штрафа и тюремному заключению сроком до двух лет. «Для подобных людей, которые хотели бы уничтожить наши законы, нет места в нашей стране», - заявил судья, рекомендовав депортировать их из страны.

К рекомендации судьи прислушались. Чтобы получить основания для депортации Гольдман, правительство отозвало выданное ей гражданство, лишив гражданства ее давно пропавшего без вести мужа. Слушания дела по поводу ее депортации вел сам Эдгар Гувер (будущий глава ЦРУ – прим перев.). В 1919 г. на волне одних из самых суровых репрессий в истории Соединенных Штатов Гольдман, Беркман и 247 других «красных» ранним утром были отконвоированы к старому военно-транспортному кораблю Buford и в соответствии с «Актом об исключении иностранцев» от 1918 г. депортированы в недавно созданную Советскую республику. Когда этот «красный ковчег» уже был готов к отплытию из нью-йоркской гавани, пятидесятилетняя Гольдман сделала свое последнее заявление для американской прессы: «Я считаю за честь быть первым политическим агитатором, депортированным из Соединенных Штатов». Свидетели этой истории утверждают, что смотревший на это американский конгрессмен крикнул ей «Счастливого рождества, Эмма!», а Гольдман, повернувшись к нему, чтобы отреагировать на это с присущей ей сердитостью, поднесла руку к носу и высморкалась в его сторону. Это был последний ее жест на американской земле.

«Груз» судна Buford, после того, как его прогнали через Финляндию в опломбированных вагонах, охраняемых солдатами, с ликованием приветствовали в Советской России. В отличие от других анархистов, – столь же настороженно относящихся к социалистическому государству, как и к капиталистическому, - Гольдман рассчитывала увидеть в России революцию своей мечты. Несмотря на то, что страна находилась под управлением сильной централизованной власти, Гольдман была готова переключить свою кипучую энергию с противостояния общественным институтам, чем она всегда занималась в США, на их поддержку. Но почти с самого начала она снова оказалась в оппозиции.

Ее первые впечатления:

В этот момент ничто не могло сравниться с высшей необходимостью отдать себя всего ради сохранения Революции и ее завоеваний... В то же время, я не могла целиком избавиться от подспудного тяжелого чувства, которое человек часто ощущает, оказавшись один в темноте... Подавление свободы слова на заседании Петросовета, на котором мы присутствовали, или новость о том, что в столовой Смольного членам

партии дают пищу в больших количествах и лучшего качества, и тому подобные маленькие несправедливости привлекли мое внимание.

Ленин самолично пытался уверить ее, что революция сталкивается со столь многочисленными контрреволюционными угрозами, что не может себе позволить такой «буржуазной роскоши» как свобода слова. Желая работать ради революции, несмотря на тяжелое чувство, Гольдман и Беркман взялись за выполнение порученного им задания - проехать по стране с целью сбора документов для архива революции. Но по мере того, как они сталкивались с широко распространенной системой привилегий и принудительного труда, бюрократизмом и политическим преследованиями, – в частности против анархистов, – их путешествие превратилось для них в одно сплошное горькое разочарование.

В марте 1921 г. в Петрограде прокатилась волна забастовок, поддержанная моряками Кронштадта, которых сам Троцкий в свое время называл «гордостью и славой Революции». Ведомые анархистами (скорее, анархическими идеями – прим. перев.), рабочие и моряки выдвинули требования к правительству, которые касались выборов в Советы, предоставления свободы агитации левым группам, уравнивания пайков. Гольдман и Беркман поддержали их. Правительство отказывалось даже рассматривать эти жалобы и назвало забастовку бунтом, двинув на Кронштадт войска. Во время осады погибли тысячи людей. В этот момент Гольдман и Беркман решили покинуть страну, несмотря на то, что, как писала Гольдман, «идея покинуть Россию до этого ни разу не рождалась в моей голове». То, что она провела в России достаточно много времени, было подтверждением ее доброй воли, но после Кронштадта она была убеждена, что «триумф государства означал поражение революции». Двое анархистов незамедлительно обратились за паспортами на выезд, и, получив их в декабре 1921 г., ровно два года спустя после депортации из Соединенных Штатов, покинули Советскую Россию, «опустошенные и лишенные мечты».

Из России они уехали в эмиграцию, которая превратилась для них в длинную череду временных виз в различных европейских странах. В конце концов, Беркман поселился во Франции, а Гольдман осела в Англии. Они оба зарабатывали скудные средства к существованию написанием статей и лекциями, незамечаемые или ненавидимые большинством левых из-за своей критики большевистского режима. Несмотря на то, что Гольдман всегда защищала революцию, одновременно осуждая большевистскую тиранию, ее с легкостью обвиняли в предательстве революции. В своей автобиографии Бертран Рассел описал то, как ее встречали лондонские радикалы в 1924 г.:

В ее честь был устроен обед. Когда она поднялась, чтобы произнести приветственное слово, ее встретили с энтузиазмом, но когда она закончила и села на место, в зале стояла гробовая тишина. Все потому, что вся ее речь была направлена против большевиков.

Она написала серию статей для газеты *New York World*, а затем книгу «Мое разочарование в России» (*My Disillusionment in Russia, 1923-1924*). Она была осуждена за это некоторыми из тех самых радикалов, которые десятилетие спустя, во время московских процессов отвернутся не только от большевизма, но и от революции вообще.

Быть отверженной среди бывших друзей, однако, было для Гольдман не в новинку. Почти единственной среди анархистов она защищала Чолгоша; почти единственной среди феминисток она разоблачала иллюзии по поводу избирательного права для женщин; теперь почти в одиночку среди революционеров она осуждала большевизм, в то же время ни на минуту не отрекаясь от своих революционных взглядов. «Цензура со стороны товарищей, - сказала она однажды, - имеет на меня такое же действие как полицейское преследование, она делает меня увереннее в себе». В эмиграции она не растеряла ни капли из своей настойчивости и желания «бунтовать».

В 1925 г., чтобы стать гражданкой Великобритании и получить надежный паспорт, она вышла замуж за старого шахтера-анархиста из Уэльса Джеймса Колтона. Гольдман на протяжении долгого времени была яркой противницей института брака, и хотя церемония была полностью формальной, - она оплатила Колтону стоимость его проезда до Лондона и обратно и возместила средства, которые он потерял из-за неявки на работу, - тем не менее, разразился небольшой скандал. С новым паспортом она отправилась в тур по Канаде, а затем, присоединившись к Беркману на юге Франции, где она жила на средства, предоставленные американскими товарищами, она осела, чтобы написать свои удивительные мемуары, «Проживая свою жизнь» (Living My Life).

Книга, выпущенная в 1931 г. издательством Knopf, была хорошо принята читателями, но мир, о котором она вспоминала, уже стал историей. Эпоха тридцатых не имели снисхождения к анархическим решениям экономических и социальных проблем, к тому времени повсюду царил централизм. В начале тридцатых, несмотря на различные препятствия со стороны правительства и цензуру, Гольдман ездила по Европе и осуждала «Гитлера и его банду», с ужасом наблюдая, как одна страна за другой поддавались централизму и диктатуре, а анархизм становился все более незначительным фактором. В 1934 г. ее когда-то опасные взгляды показались достаточно мирными ее заслуженным американским друзьям, которые смогли организовать девятидневный лекционный тур по Соединенным Штатам. За исключением злобного и вполне предсказуемого бойкота со стороны американской Коммунистической партии, ее возвращение в страну было достаточно бедно событиями. Пятнадцать лет спустя после того, как она была отправлена в ссылку и названа Эдгаром Гувером самой опасной женщиной в Америке, «чье возвращение в наше общество принесло бы излишний вред», ее идеи децентрализации и либертарного общества были в таком забвении, что они больше не несли в себе никакой реальной угрозы; выбор стоял между фашизмом и коммунизмом. (В недавней передовице в газете Catholic Worker (радикальной рабочей газете христианского направления - прим. перев.) Дуайт Макдональд пишет: «анархизм был чем-то эксцентричным, почти солипсизмом в марксистские тридцатые», добавляя, что он стал «нормой поведения в шестидесятые»). Гольдман вернулась во Францию с ощущением того, что она ведет борьбу, обреченную на поражение.

После того, как Беркман покончил жизнь самоубийством в 1936 г., Гольдман возможно предалась бы унынию и быстро состарилась, если бы не неожиданно вспыхнувшая революция и гражданская война в Испании. Откликнувшись на приглашение испанских анархистов, оплотом которых была Барселона, она поспешила на баррикады, снова вообразив, что революция ее мечты начала свершаться. «Давящая тяжесть,

которая лежала на моем сердце после Сашиной смерти исчезла как по волшебству», - писала она в одном из писем, наблюдая за организацией на вольных началах сельских коммун и фабричных коллективов, школ, учреждений обслуживания и милиции. В возрасте 67 лет она снова бросилась в активную борьбу, координируя пропагандистские усилия испанских анархистов в Англии, со всей энергией и присущим ей духом молодости.

Но, наблюдая как анархисты уступали позиции Франко с одной стороны и сталинистам - с другой, видя как они идут на смертельные для них компромиссы с коалиционным республиканским правительством ради военной победы, она была снова поставлена перед острыми дилеммами, с которыми она столкнулась ранее в России. И все же она отказывалась изменить своим принципам или признать поражение. Даже когда стало ясно, что Франко одерживает победу, она отправилась в Канаду собирать средства для помощи Испании.

Там 17 февраля 1940 г. семидесятилетнюю Гольдман разбил паралич и умерла три месяца спустя, 14 мая. Ее тело было перевезено в Чикаго и похоронено рядом с хеймаркетскими мучениками, чьей памяти она посвятила свою жизнь в ту «черную пятницу» более пятидесяти лет назад. И памятник, воздвигнутый на чикагском Вальдхаймском кладбище в память о казненных анархистах, памятник, перед которым она тоже проливала слезы и возлагала венки, - служит памятью и ей.

III

Если фигура Гольдман кажется, по словам ее биографа Ричарда Дриннона (автора книги «Бунтарка в раю», первой биографии Гольдман. *Rebel in Paradise*, 1961 – прим. перев.) «больше, чем жизнь», то это отчасти потому, что она всегда рвалась в действие со всей своей фанатичной храбростью, идеализмом и энергией. Сложно представить себе человека обычных пропорций, нападающего на систему одновременно по стольким фронтам и с таким упорством и яростью, как это делала Эмма Гольдман. Она была активисткой, а не теоретиком. Ее либертарные взгляды, с которыми она начинала в двадцать лет, служили в качестве общей теории, и из них, а также из ее богатых эмоциональных качеств проистекала ее готовность к действию. «Она грела обе руки над костром жизни», - написал о ней Фрэнк Харрис. В отличие от столь многих радикалов, до бесконечности споривших на страницах левых журналов о прелестях «правильной» интерпретации событий, она хотела что-то предпринимать по поводу этих событий. Прямое действие – и прямо сейчас!

Она была нетерпима по отношению ко всем, менее смелым, чем она, даже если эти люди стояли на ее стороне. Она была сверхкритична по отношению ко всякому, включая радикалов, рабочих или женщин, кто жил менее целостно, чем она требовала от самой себя. Она была темпераментна, упряма и страстна; будучи в достаточной мере спровоцированной, она позволяла себе вспышки насилия и элитаристские тирады; когда что-то захватывало ее воображение, она вся горела, стгорая как бикфордов шнур в ожидании окончательного взрыва. Но она всегда имела перед глазами свой конечный идеал, и зачастую «действие», которое она предпринимала, было направлено на предотвращение насилия или избежание обреченной на поражение

конфронтации с властью, в особенности если кто-то из товарищей, а не она сама, оказывался под ударом.

Если ее лишали возможности выступить в каком-то американском городе, она собирала вокруг себя все наличные силы и сражалась без пощады, часто оставляя после себя целую постоянно действующую местную организацию Лиги за свободу слова (предшественницу и источник вдохновения для возникшего впоследствии Американского союза за гражданские права). Когда профсоюз Индустриальные рабочие мира (ИРМ) подвергался атакам на западе США со стороны вооруженных банд реакционно-настроенных граждан, которые избивали, сажали в тюрьмы и даже линчевали профсоюзных активистов, Гольдман вполне предсказуемо оказалась на западе страны. Когда нужно было бросить вызов законам, запрещавшим распространять информацию о методах контрацепции, именно она проводила первые публичные инструктажи о пользовании контрацептивами, несмотря на угрозу ареста, - а после суда и тюремного заключения сразу отправлялась в другое место, чтобы прочесть ту же лекцию. И даже после депортации в Россию, где ей была предоставлена редкая возможность аудиенции у самого Ленина, она дерзко воспользовалась этой встречей для того, чтобы протестовать по поводу отношения к анархистам и общего ограничения свободы слова при большевистском режиме.

Но Гольдман не только, как написал (радикальный журналист и писатель) Флойд Делл, «имела перед собой идеал свободы и... насмеялась над нашей нравственной трусостью». Она была и неутомимым организатором, боровшимся за достижение фундаментальных перемен в обществе. «Революция - это ничто иное, как мысль, приведенная в действие», - писала она в своем очерке «Анархизм», и в этом смысле она постоянно пыталась совершить революцию, изобретая новые способы претворения своей мысли в жизнь. Она высмеивала тех, кого она называла «философскими анархистами», именно потому, что они не пытались реализовать свои идеи, сколь бы созвучны они ни были ее собственным.

Читая сегодня ее ясные, простые лекции, отстаивающие фундаментальные общественные изменения или новый дух, мы удивляемся, почему некоторые из них производили такой фурор. Правда, каждая из них содержит в себе по крайней мере одну динамитную шашку. (Например, «Социальное значение современной драмы»: «Школа для ребенка - это то же самое, что тюрьма для осужденного или казарма для солдата, - место, где все используется для того, чтобы сломить волю ребенка, а затем колотить и месить ее, чтобы придать ей совершенно чуждую ей форму.» Или «Торговля женщинами»: «Повсюду женщину оценивают не по ее труду, но по ее полу. Почти повсюду ей приходится расплачиваться за право на существование, за то положение, которое она занимает, доставляя сексуальное удовлетворение. А потому будет ли она продавать себя одному мужчине, в браке или вне его, или многим мужчинам - различие не велико.») Но все же можно предположить, что эти слова могли быть написаны любым другим иконоборцем тех времен, не вызвав столь же бурной реакции. Они провокативны, но не особенно оригинальны. Лучшие из них представляют собой разумные конкретные аргументы в пользу нового сознания, требуют пересмотра традиционных взглядов. В худшем случае это риторические и резкие рассуждения, но они не призывают к насилию и не толкают людей на бурные акты восстания или бунт. Но, в то же время, Гольдман часто арестовывалась или

выдворялась из города за эти речи. Один полицейский, задерживая ее в очередной раз, сказал, что делает это «на общих основаниях» «просто потому, что вы Эмма Гольдман». Даже Социалистическая партия в определенный момент посчитала целесообразным запретить своим членам вступать в публичные дебаты с Гольдман. Часть устрашающего эффекта, который производили ее лекции, объяснялась именно тем, что они были написаны и читались ею самой: всегда существовало опасение, что Красная Эмма действительно возьмет, да и претворит свою «мысль в действие». И почти все ее эссе можно снабдить примечаниями в виде сообщений об их сенсационных последствиях, сообщениями, которые были более шокирующими, нежели сами выступления. Многими из этих историй – от почти бунта (предотвращенного самой Гольдман благодаря ее хитроумному управлению толпой) до непосредственных физических нападений на нее – наполнены страницы ее объемистых двухтомных (и при этом еще значительно сокращенных) воспоминаний, а кроме них есть еще и другие.

Что же касается ее мыслей и интересов, то ее очерки, журнальные публикации, памфлеты и речи в суде говорят сами за себя. К ним можно добавить лишь рассказ об одной речи, очень гольдмановской по духу, и, безусловно, самой краткой из ее речей. Она произнесла ее 11 сентября 1917 г. на собрании в Нью-Йорке в поддержку Беркмана, когда шла борьба против его экстрадиции из Нью-Йорка в Калифорнию, где против него было сфабриковано чудовищное обвинение в убийстве. В это время Гольдман сама была освобождена под залог в ожидании пересмотра в Верховом суде ее дела по обвинению в заговоре с целью срыва военного призыва, и залог, внесенный за нее, в любой момент мог быть отменен.

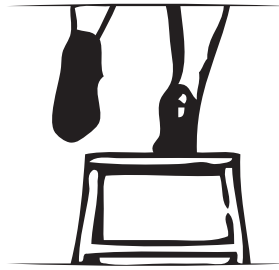
Она пришла в аудиторию, где проходило собрание, готовая выступить в защиту Беркмана, но в этот самый момент к ней подошел пристав и сообщил, что если она не откажется от выступления, он прикажет очистить зал от собравшихся. В обычных обстоятельствах Гольдман просто бы игнорировала этот ультиматум, но, ощущая необходимость проведения этого конкретного митинга, она нехотя дала приставу свое согласие и заняла место в аудитории.

Предварительные выступления были завершены, несколько речей уже прозвучало, подошла очередь выступления Гольдман. Когда ведущий собрания начал объяснять отсутствие Гольдман, о котором все сожалеют, Красная Эмма вышла на сцену, засунув в рот кляп из большого носового платка. Она стояла, повернувшись к аудитории лицом и не произнося ни слова, как и обещала. Это вызвало шквал аплодисментов.

Сочинения Гольдман охватывают разные жанры, десятилетия и континенты, но они выражают единое мировоззрение. Со времени, когда Гольдман ворвалась на радикальную сцену Нью-Йорка в возрасте двадцати лет, полная энергии и ожиданий, и до того момента, когда она умерла в возрасте семидесяти лет, все еще сражаясь, менялся контекст, но не содержание ее борьбы. Начиная со своего раннего кредо «Во что я верю» (1908), опубликованного впервые в газете *New York World* для широкой, но враждебно настроенной американской аудитории, и кончая другим ее кредо, «Стоила ли моя жизнь того, чтобы ее прожить?» (1934), опубликованным в *Harper's Magazine* ближе к концу ее жизни для аудитории другого поколения и склонностей, можно проследить единство ее деятельности и симпатий. И через все это сквозит несоответствие между образом демонической Эммы Гольдман из легенды и

революционной идеалистки Эммы Гольдман, которая начиная с юности желала ни больше, ни меньше чем освобождения мира. И между двумя этими персонажами стоит одновременно храбрая и эгоистичная, самоотверженная и сварливая женщина, подлинная «скала принципиальности», как описала ее романистка Ребекка Вест, непреклонная мечтательница, чью страсть и чей язык никто не мог приручить.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Аликс Шулман
Эмма Гольдман
1970

Red Emma Speaks, 1970

Выходные данные: опубликовано по-английски в качестве предисловия к сборнику *Red Emma Speaks* («Говорит Красная Эмма», 1970). Перевод Михаила Цовмы.

ru.theanarchistlibrary.org